

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ

Мамараев Руслан Магомедсаламович

научный сотрудник Отдела социологии Институт истории археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

На сегодняшний день политическая глобализация начинает восприниматься как новое качество взаимосвязанности и взаимозависимости всех акторов, составляющих человечество. В данной связи все более значимым становится вопрос о формировании системы глобального политического управления, наделенной соответствующим объемом полномочий и легитимности.

Ключевые слова: Политическая интеграция – процесс сближения двух или более политических структур, направленный в сторону взаимного сотрудничества, в более узком смысле это формирование некоторого целостного комплекса политических систем на межгосударственном уровне.

Mamarayev Ruslan

research associate of Department of sociology, Institute of archeology history and ethnography of Dagestan
scientific center of Russian Academy of Sciences

To date, political globalization is perceived as a new quality of the interconnectedness and interdependence of all the actors that make up humanity. In this regard, all the more important is the question of the formation of a system of global political governance, having appropriate levels of authority and legitimacy.

Key words: Political globalization - the process of convergence of two or more political entities directed towards mutual cooperation, in the narrower sense is the formation of a coherent set of political systems at the international level.

С начала XXI века политическая глобализация начинает восприниматься как новое качество взаимосвязанности и взаимозависимости всех факторов, составляющих человечество. В данной связи все более значимым становится вопрос о формировании системы глобального политического управления, наделенной соответствующим объемом полномочий и легитимности.

Глобальное управление – это механизм формальной и неформальной политической координации на различных уровнях: локальном и глобальном, государства и правительственных организаций, неправительственных организаций и корпоративных акторов, субъекты которого стремятся достичь общих целей или решить коллективные проблемы за счет создания и внедрения глобальных или межнациональных норм, правил и программ [2-3].

Важным фактором развития института глобального управления является политическая интеграция, которая рассматривается в политической науке как институционализация политического процесса между двумя или более государствами. При этом широко распространенные в наши дни исследования

действительно актуального феномена международной интеграции, независимо от теоретических предпочтений их авторов, во многом базируются на теории функционализма [6].

Функционализм рассматривает национальное государство как слишком узкое для решения новых экономических, социальных и технических проблем, которые могут быть решены только на уровне международного сотрудничества. Поэтому межгосударственные отношения должны быть перестроены так, чтобы «вертикальную» территориальную замкнутость заменить на действенные «горизонтальные» структуры, администрация которых будет координировать межгосударственное сотрудничество в конкретных сферах. Это позволит устранить экономические и социальные причины конфликтов, а затем постепенно и безболезненно преодолеть государственные суверенитеты. В результате длительной эволюции сотрудничество между государствами станет столь тесным, а их взаимозависимость столь высокой, что вооруженный конфликт между ними будет просто немыслим, а произошедшие позитивные изменения станут необратимыми. Международная среда претерпит глобальные изменения, благодаря которым солдаты и дипломаты уступят место администраторам и техникам, отношения между канцеляриями – прямым контактам между техническими администрациями, а защита суверенитетов – прагматичному решению конкретных вопросов [4, С. 96].

Таким образом, наряду с прагматизмом, функциональному подходу к исследованию интеграционных процессов присуща и некоторая нормативность. Очевидно и практическое влияние функционализма, особенно на создание и развитие Организации Объединенных Наций и, в частности, такого ее института как ЭКОСОС (Социальный и экономический совет Объединенных Наций), получившего мандат на координацию межгосударственной деятельности в соответствующих сферах. В Хартии ООН уделено значительное внимание именно ее функциональным обязанностям, а Генеральная Ассамблея формирует такие институты как Конференция Объединенных Наций по торговле и сотрудничеству и Организация Объединенных Наций по индустриальному развитию. Однако именно реальное применение положений функционализма в практике международной интеграции обнаружило его недостатки.

Во-первых, его следствием стала слишком большая децентрализация международного сообщества, определенная дисперсия его усилий. Громоздкие и многочисленные технические организации породили новые проблемы координации. Одновременно появилась и опасность того, что с падением значения государственного суверенитета будет происходить рост суверенитета специализированных организаций. Так, представитель Международной организации труда на конференции в Сан-Франциско отказывался от субординации ООН во имя суверенитета своей организации.

Во-вторых, обнаружилось, что в реальной практике международной интеграции функциональное сотрудничество не ведет автоматически к «отмиранию суверенитета». Более того, европейский процесс показал, что особенно

болезненной является именно проблема передачи государствами «в общий котел» части их политической и военной компетенции [6].

Однако дальнейший поиск путей построения институтов управления «выше уровня наций» вовсе не является утопическим проектом. Как отмечает Э.Гидденс, такой процесс уже развивается в форме Европейского союза (ЕС). По существу ЕС начинался как проект Холодной войны, но сегодня он должен быть рассмотрен как достойный ответ на вызов глобализации. Есть существенное различие между ЕС и международными организациями типа Организации Объединенных Наций. В ООН входят представители суверенных наций. Впервые в истории в отличие от ЕС нации добровольно отказались от некоторых аспектов своей независимой и законной суверенности, чтобы объединить свои общие ресурсы.

ЕС – это не государство супернаций, и нет вероятности, что он мог бы стать или стал бы им. Также это не форма федерализма. Его сложно точно определить в традиционных политических терминах, потому что это новый эксперимент, попытка развить правительственные структуры, отличные от существовавших прежде. Также он противостоит многочисленным трудностям. Действительно, было бы странно предложить пример ЕС как главный пример демократизации выше уровня нации, так как он очень часто критикуется именно за «дефицит демократии». Союз был построен в значительной степени политическими элитами; Европейская Комиссия сильно бюрократична; Европейскому парламенту недостаёт влияния; и в большинстве стран ЕС невысок процент проголосовавших на выборах этих структур.

Конечно, ЕС не был создан против пожеланий большинства граждан в государствах-членах Союза. Кроме того, может быть введён диапазон краткосрочных и долгосрочных мер, которые произвели бы большую демократию так же, как более популярную законность. Некоторые из предписаний для демократии в пределах наций применяются также непосредственно к ЕС. Тем не менее, большая прозрачность, выкорчевывание коррупции, ослабление бюрократической иерархии – эти и другие нововведения выполнимы и необходимы [5, Р.122-163].

Таким образом, хотя Европейский Союз и нельзя расценивать как исключительно европейский институт глобального управления, то есть определяя его по географическому признаку, его следует воспринимать как плацдарм для объединения мирового сообщества

Сегодня принято считать, что понятие «мировая система» или «мировое сообщество» включает все ныне существующие на планете страны. Мировое сообщество состоит из суверенных государств, каждое из которых самостоятельно определяет свою собственную форму правления, часто силой оружия или с помощью угрозы применения силы, и не признает над собой какой-либо иной верховной власти. Однако, как подчеркивает ряд авторов, поскольку прогресс политической глобализации стал намного очевиднее;

понятие «мировое сообщество» претерпело определенную трансформацию [5, Р.122-163].

Нельзя отрицать, что до сих пор национальные государства остаются самыми важными субъектами международных отношений. Так, товарооборот самых больших многонациональных компаний мог бы быть больше, чем ВВП большинства государств, но генетически национальные государства все еще намного мощнее. Причины заключаются в том, что они контролируют территорию, тогда как корпорации нет; они могут законно владеть военной силой, индивидуально или коллективно; и у них есть обязательства поддерживать правовые нормы, опять же, индивидуально или на коллективном уровне.

Однако мировая система не может описываться или анализироваться только на уровне наций, поскольку нации и их требования суверенности начинают радикально изменяться. В дополнение к мощным влияниям глобального рынка и новой коммуникационной технологии, появилась волна «глобализации снизу», вовлекающая миллионы обычных людей, также как и организованные группы всех видов.

С комплексом глобального управления сосуществует (правда, в эмбриональном состоянии) транснациональное гражданское общество. Транснациональное гражданское общество – это социополитическая арена, не имеющая границ, на которой взаимодействуют граждане различных стран для того, чтобы продвинуть реализацию общечеловеческих интересов и заставить правительства или формальные учреждения глобального управления объяснять или изменить свои действия. Показателем формирования глобального гражданского общества служит растущее число неправительственных организаций.

В последние десятилетия множество неправительственных организаций, межнациональных организаций (от Всемирной Торговой палаты, Международного совета профсоюзов, Ассоциации защитников Тропического леса до Католической церкви), сети адвокатов, женских движений и нацистских организаций стали играть существенную роль в мобилизации, организации и осуществлении политической власти вне национальных границ. Этому способствовали скорость и легкость осуществления современных глобальных коммуникаций и растущее понимание общих интересов между группами в различных странах и регионах мира.

Конечно, не все члены межнационального гражданского общества являются представительными; некоторые воплощают сомнительные, реакционные или преступные намерения, в то время как многих отличает недостаточная ответственность. Кроме того, существует неравенство между агентами глобального управления в области наличия ресурсов, влияния и доступа к ключевым центрам глобального принятия решений. Так, многонациональные корпорации, подобно Институту Руперта Мердока (по сравнению с Всемирной

ассоциацией кофе), имеют более открытый доступ к ресурсам власти и способны формировать глобальную повестку дня.

Глобальную политику также характеризует широкий диапазон политической активности. Повестка дня глобальной политики обращена не только к традиционным геополитическим делам, но также и к увеличивающимся экономическим, социальным, культурным и экологическим проблемам. Загрязнение окружающей среды, наркотики, права человека и терроризм – относятся к наднациональным проблемам, которые благодаря глобализации пересекают территориальные границы и существующую политическую юрисдикцию; они требуют международного сотрудничества для своего эффективного решения. На характере современной политики сказывается новый тип решения пограничных проблем. В прошлом национальные государства преимущественно решили пограничные вопросы посредством дипломатических инициатив и, в конечном счете, принудительными средствами. Но эта геополитическая логика кажется особенно неадекватной и несоответствующей в ситуации, когда необходимо решать много сложных проблем, от экономического регулирования до истощения природных ресурсов и экологической деградации окружающей среды.

Однако это не означает, что институт государства отмирает. Полномочия национальных правительств управлять в пределах их собственных территорий остаются. Они преобразовываются, но ни в коем случае не разрушаются. Ограниченные системами глобального и регионального управления государства теперь утверждают свой суверенитет в контексте межнациональных систем управления, совместно с другими агентствами и социальными силами, Суверенитет распределяется среди субъектов государственной власти на различных уровнях: от местного до глобального.

Таким образом, современный институт глобального управления охватывает множество формальных и неофициальных структур политической координации среди правительств. Это межправительственная и межнациональная совокупность агентств и частных предприятий предназначенная для того, чтобы понять и согласовать общие цели посредством создания или претворения в жизнь глобальных или межнациональных правил и регулирования трансграничных проблем. Хорошей иллюстрацией тому служит создание международных трудовых кодексов, направленных на защиту прав трудящихся.

В рамках этого глобального управленческого комплекса частные или неправительственные организации становятся все более и более влиятельными в формулировке и осуществлении глобальной общественной политики; Например, они регулируют, обычно в тени глобальных общественных властей, различные аспекты глобальных экономических и социальных дел. В тех областях, в которых это стало очень существенным, – главным образом в экономической и технологической, это частное глобальное управление перераспределяет полномочия от государств и многопрофильных

государственных организаций к неправительственным организациям и частным агентствам.

В то же время следует подчеркнуть, что процесс глобального регулирования отличается географической несбалансированностью. Доминирующее положение при его осуществлении занимают ведущие в экономическом и политическом отношении страны Большой восьмерки, участие же новых индустриальных государств в этом процессе обеспечивается крайне нерегулярно. Большинство малых и бедных развивающихся стран вообще практически не участвуют в глобальном регулировании и, скорее, являются лишь его объектами. Вот почему существующие сейчас институциональные механизмы глобального регулирования не являются полностью представительными в мировом масштабе. К сожалению, важнейшие глобальные экономические структуры (G7, ВТО, МВФ, ОЭСР) находятся под влиянием исключительно крупных и богатых стран.

В данной связи правомерны опасения, что реализация глобального управления будет следовать концепции униполярности, которая основана на тезисе, в соответствии с которым с течением времени все сильнее будет выкристаллизовываться «ядро» наиболее мощных союзных государств, которое будет проецировать свои нормы и принципы поведения на весь мир.

В этом случае глобальное управление будет гомогенным, возможно; более эффективным, но при этом вряд ли стабильным в долгосрочной перспективе, поскольку кристаллизация униполярности заложит основы для потенциального конфликта между «полюсом» и периферией. А это противоречие может рано или поздно привести к взрыву всей системы глобального управления и подорвать мировую стабильность [1, С.31-32].

Однако, оценивая взаимодействие государств и глобальных структур; необходимо иметь в виду следующее. Бюджеты (с той или иной долей расходов, направленных на социальные нужды), прямое налогообложение и легитимированные силовые структуры – вот несколько ключевых функций современного государства, которые определяют его самостоятельность и, в конечном счете, силой финансов и оружия обеспечивают его суверенность. В этой связи о глобальном управлении как о реальной форме осуществления власти станет возможным говорить только тогда, когда исполнение этих функций будет переложено от государственного на наднациональный глобальный уровень.

Наиболее перспективной формой управления политическими процессами представляется глобальное сотрудничество. В его рамках решения по поводу глобальных проблем могут приниматься не путем навязанных отдельными акторами подходов, а путем конструктивного и воплощаемого в жизнь диалога всех заинтересованных сил. Такая форма также предполагает формирование более инклюзивной системы глобального регулирования, свою сопричастность которой смогли бы ощущать как можно больше государств и иных акторов.

Литература:

1. Глобальное человеческое измерение. М. 2002. С. 31-32.
2. Мартыненко С.В. Политическая глобализация. М. 2008. С. 145.
3. Мартыненко С.В. Инклюзивное развитие и глобализация // Власть. 01. 2012.
4. Эрнст Б. Хаас о функциональном сотрудничестве как условии преодоления конфликта и достижения политической интеграции // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А.Цыганкова. М. 2003.
5. Giddens A. The Third Way and It's Critics. Cambridge, 2000.
6. Mitrany D.A. Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. London. 1946.